

Проект издательского дома “Эпоха”

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДАГЕСТАН

Борис Брик – Шамиль Варисов

Русский язык

Аварский язык

ШАМИЛЬ
ПОЭМА

Литературный Дагестан

Борис Брик

Шамиль

«Эпоха»

2009

Брик Б. И.

Шамиль / Б. И. Брик — «Эпоха», 2009 — (Литературный Дагестан)

Поэма Бориса Брика - одно из первых произведений о Шамиле, где правдиво, мужественно, с любовью и ответственностью рассказано о великом Имаме и его освободительной войне. В этой же книге можно прочитать и перевод поэмы на аварский язык, который осуществил литератор, историк, общественный деятель, Шамиль Варисов.

© Брик Б. И., 2009

© Эпоха, 2009

Содержание

Бессмертен труд, бессмертен дух отваги	5
Пролог	9
Часть первая	13
Записки декабриста Александра Бестужева-Марлинского	13
Записки Бестужева	14
Глава I	14
Глава II	15
Глава III	20
Глава IV	25
Глава V	27
Часть вторая	33
Глава I	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Брик Борис Ильич

Шамиль

ИД «Эпоха» выражает глубокую благодарность доктору филологических наук Сиражудину Хайбуллаеву за помощь в подготовке книги к изданию.

Бессмертен труд, бессмертен дух отваги

Поэма Бориса Брика «Шамиль» – удивительное и неповторимое явление в русской литературе. Я узнал о Бrike в Литературном институте в середине семидесятых годов прошлого века, с поэмой меня познакомил замечательный аварский поэт, мой старший друг и учитель Омар-Гаджи Шахтаманов.

Как сегодня помню, как он, подняв вверх правую руку, вдохновенно и мужественно читал мне бессмертные строки запрещенной поэмы:

Здравствуй, барса могучего логово,
Где от века бушует гроза,
Где на версту ни склона пологого,
Ни тропы не отыщут глаза,
Где Аргуна лютует и бесится,
Где, гремя, джигитует Койсу,
И, увенчан значком полумесяца,
Стяг восстанья мелькает в лесу.

Я был потрясен. Читая это мощное произведение, я как бы беседовал с горами, историей, великим имамом, с самой вечностью.

Поэма «Шамиль» была песнью мужества. Написанная от имени декабриста Бестужева-Марлинского, она учила нас преданности, верности своему народу, его истории, языку и родному очагу. Было такое ощущение, что поэма написана не на русском, а на аварском языке.

Тогда я еще не знал о трагической участи ее автора Бориса Брика. Борис Брик родился в 1904 году в городе Нарве и был расстрелян 1942 году в Мариинске близ Новосибирска. Судьба поэта неразрывно связана с Петроградом-Ленинградом, хотя его отец родился в Кишиневе, а мать – в Нью-Йорке. В 1923 году в Петрограде вышла первая его книга – поэма «Царь-колокол», в 1926 году он был первый раз репрессирован (обвинялся в распространении контрреволюционных стихов). Был в заключении недолго. После, потеряв право проживания в шести основных городах страны, переселился в Полтаву, позже перебрался в Тверь и прожил там до мая 1929 года. В январе 1931 года снова был арестован за антисоветские стихи. Был осужден на десять лет лагерей. Однако в 1932 году был «условно-досрочно» освобожден из лагеря и уехал подальше – в Тифлис. Там впервые стал печататься как поэт-переводчик (1933 г.), переводил Галактиона Табидзе, Тициана Табидзе, Симона Чиковани – всего около тридцати грузинских поэтов.

В «Библиотеке «Огонька» в 1934 году вышел сборник «Поэты советской Грузии в переводах Бориса Брика», а в 1936 году этот же сборник был переиздан в расширенном виде.

Тогда же в его переводах увидели свет немногие строки Киплинга, переводил он также Ронсара, Гете, Китса и других поэтов. В 1937 году вдвоем с Арсением Тарковским издал антологию «Поэты Крыма в переводах с татарского». Печатался Брик легко – в 1940 году вышли

его поэмы «Василий Чапаев» и «Шамиль». В 1941 году Брик был арестован у себя дома в Ленинграде, а 5 марта следующего года поспешно расстрелян, в то время как дело его о замене расстрела десятью годами лагерей продолжало бродить по инстанциям. Неинформированность органов о его судьбе доходила до того, что на книге Акакия Церетели, изданной в 1944 году, имя Бориса Брика было поставлено на титульном листе, будто ничего не случилось.

Даже в 1957 году в посмертной реабилитации Борису Брику было отказано – она состоялась лишь 24 июля 1989 года.

Вот такая интересная и страшная судьба.

Поэма Бориса Брика останется для нас одним из первых произведений о Шамиле, где правдиво, мужественно, с пониманием, с любовью и ответственностью рассказано о великом имаме и его освободительной войне. При ее чтении возникает множество мыслей, не только о жизни, судьбах народов, участии человека, его месте в мире, об отношениях между людьми, между властью и человеком, о роли личности в истории, об ответственности великого предводителя, отвечающего за судьбы людей. Характеристика, образы, лирические зарисовки, философские обобщения поэта точны и талантливы. Борис Брик пишет обо всем, как будто сам участвовал в битвах Шамиля, был его мюридом, он выявляет истину и служит истине, как настоящий поэт. Все, о чем пишет Брик, дышит любовью, он знает, что истина без любви – не истина:

Суровый край, объятый газаватом,
В лучах зари возник передо мной.

Или:

И понимал, что Меккой и Мединой
Лишь для того клянутся племена,
Чтоб стала вновь свободной и единой
Ярмо князьков разбившая страна.

Или:

Народ здесь был и пастырем, и зодчим,
Судьбою стар, душою вечно юн,
Но царь его из дома гнал, как отчим,
И разорял, как жадный опекун.

Или:

Когда же стал пророком горской воли
Имам Шамиль – вождь бедных узденей, —
Народам гор, искавшим лучшей доли,
Он подарил свободу от князей.

«Пророк горской воли» – более точного определения Шамиля как лидера народа вряд ли можно найти. Этим сказано очень многое. Таким мы видим имама в поэме Брика, таким он и остался и останется в веках. В другом случае герой Брика Бестужев говорит:

И я ушел, но не на Запад рабский,
А на Восток – в свободный Дагестан.

В поэме Брика воедино слились мощь эпоса и драматичный лиризм, мудрость мыслителя и боль отверженного человека, здесь достойное место отведено уму и сердцу. У него необыкновенное поэтическое чутье. Он не допускает фальши и лжи. У него радость человека остается радостью, боль – болью, смерть – смертью, жизнь – жизнью, а бессмертие – бессмертием. Стихи Брика превращаются в стихию, он нигде не притворяется. Вот как он обращается к Стране гор:

Для одних ты – Аллаха избранница,
Для других ты – абрека жильё.
Для меня же навеки останется
Незабвенным страданье твое.

Или:

... русский я, но вольности аварской
Готов служить, как преданный слуга.

Поэма Брика написана с вдохновением, с пронзённым сердцем и сегодня продолжает пронзать наши сердца. Это участь настоящего поэта. Он пленяет души и завоевывает сердца. Именно этой силой жива и будет жить еще долго после нас поэма «Шамиль»:

Пошли вперед с Кораном и мечом.
Была у нас посланницею пуля,
Стальной клинок был нашим толмачом.

Я не стану пересказывать сюжетную линию поэмы. Она выстроена безупречно.

Герои поэмы – живые, интересные, страстные, мужественные и свободные люди. И это очень важно.

Поэму Б. Брика «Шамиль» на аварский язык перевел незабвенный Шамиль Варисов. Перевел блестяще. После прочтения его перевода кажется, что эта поэма была написана прежде всего на аварском. В этом сила и талант переводчика.

Шамиль Варисов был другом моей молодости и прожил на земле до обидного мало.

Отрывки перевода этой поэмы он читал мне по рукописи и успел подарить книгу с переводом на аварский язык этого бесценного своего труда.

Я называл его «Поэт с Есенинскими глазами». У него были потрясающе чистые глаза, а глаза, как известно, – зеркало души.

Шамиль Варисов сам писал прекрасные стихи на аварском и русском языках, он был интеллигентным человеком и большим интеллектуалом – блестящим знатоком поэтов и поэзии. Была у нас в парке на заре нашей молодости прекрасная чайхана. В этой чайхане встречались творческие люди и читали стихи, спорили, мирились, ругались. Мы с Шамилем были его завсегдатаями. Никогда не забуду, как он прочитал там переводы стихов великого Махмуда из Кахабросо на русском языке. После Эффенди Капиева такого точного перевода не помню. Таким был Шамиль Варисов, чем-то напоминающий молодого Есенина и молодого Капиева.

Именно он должен был переводить поэму Брика «Шамиль». До сих пор удивляюсь, как он догадался о необходимости этой великой поэмы для его народа раньше всех.

Ведь мы все любили эту поэму, и перевел ее все-таки замечательный Шамиль Варисов, думаю, что лучше никто бы не перевел.

Он сохранил стиль, манеру, ритмику, поэтичность, точность поэмы и сделал ее достоянием аварской поэзии. Вряд ли найдется другой перевод, сделанный с такой любовью, с таким пониманием, как это сделал Шамиль Варисов.

Я счастлив, что имею возможность сказать слова искренней любви своей к Шамилю Варисову и поэме Бориса Брика «Шамиль»

Шамиль Варисов стал мюридом великого имама, мюридом настоящей поэзии, мюридом поэмы «Шамиль».

Это к нему, переводчику поэмы Б. Брика «Шамиль» Шамилю Варисову, кажется, обращены бессмертные строки Расула Гамзатова с эпиграфом из Пушкина: «Смирись, Кавказ, идет Ермолов»:

Нет, не смирялись и не гнули спины
И в те года, и через сотню лет
Ни горские сыны, ни их вершины
При виде генеральских эполет.

Ни хитроумье бранное, ни сила
Здесь ни при чем. Я утверждать берусь:
Не Русь Ермолова нас покорила,
Кавказ пленила Пушкинская Русь.

Поэма Б. Брика «Шамиль» написана в традициях Пушкинской Руси, поэтому она бессмертна.

Магомед Ахмедов, народный поэт Дагестана

Пролог

Отцу моему и моей матери с любовью посвящаю.
Борис Брик

Сабли блещут сквозь туманы,
Дым смешался с порохом, —
Это бьются в Дагестане
С белым падишахом.

Содрогается вокруг
Вся земля от гула,
И достиг зловещий звук
До ушей Стамбула.

Захватил седой Стамбул
Свой клинок дамасский
И поспешно заглянул
За хребет Кавказский.

Видит старый, что близка
Гибель тариката,
Что измучены войска
Младшего собрата.

И решил прибегнуть он
К низкому обману
И, притворно огорчён,
Молвил Дагестану:

«Долго ль будешь нелюдим,
Волей утешаться,
Покровительством моим
Брезгать и гнушаться?»

Или друга оттолкнёшь
В дерзостном упорстве
И погибнуть предпочтёшь
Ты в единоборстве?

Я полмира озарил
Факелом Корана
И навеки усмирил
Тигров Тегерана.

Хоть гяуров всё сильней
Вылазкой тревожишь,

Но без помощи моей
Ничего не сможешь.

Не надейся на клинок,
Погнутый и ржавый.
И найди приют у ног
Дружеской державы.

Мне покорны все края
В мусульманском мире,
Слава бранная моя
Катится всё шире.

На краю своей земли
Стал я при Босфоре.
И гяуров корабли
Запер в Черном море.

Не страшится мой народ
Русского сардара,
И страна моя цветёт,
Как весной чинара.

Водоём в саду моём
Синеву пронзает
И серебряным копьём
В небе исчезает.

И не молкнет птичий хор.
И в прохладе сада
Дивных вымыслов ковёр
Ткёт Шахерезада.

Ятаган свой закалив
В пламенном Дамаске,
Правоверными халиф
Правит без опаски.

И эмиры дальних стран
В прахе распростёрты,
Словно суру, чтут фирман
Оттоманской Порты.

Общей связаны судьбой
Верные сунниты.
Мы учёностью с тобой
Оба знамениты.

Оба смело мчимся в бой,

Молимся на Мекку...
Так признай же над собой
Братскую опеку!»

«Не согласен, – говорит
Дагестан Стамбулу, —
Предан исстари мюрид
Своему аулу.

Ведь червонцами брэнча,
У твоей чинары
Всю листву, как саранча,
Съели янычары.

И, свирепостью дыша,
Пламенем одетый,
Ненасытный твой паша
Душой своей витает.

Пусть не в золоте клинок
И ножны потёрты —
Не сложу его у ног
Лицемерной Порты.

Вечно видеть в ней врага
Я не перестану;
Вечно будет дорога
Воля Дагестану.

Для того, кому мила
Только доблесть сердца,
Кроме горного орла,
Нет единове́рца.

И, не знавшие цепей,
Два свободных брата —
Мне Койсу моя милей
Тигра и Евфрата!»

И, сказав, исторг клинок,
Сотворил молитву
И, как прежде одинок,
Устремился в битву.

И предрёк Стамбул тогда
Гибель тариката,
Отступившись навсегда
От меньшого брата.

И, рукой махнув, пропал
За Эвксинским Портом —
Там, где пенящийся вал
Слился с горизонтом.

Часть первая

Записки декабриста Александра Бестужева-Марлинского

«Дежурил по штабу дурак-генерал
По долгу присяги и чести.
Под Адлером рапорт царю написал
О том, что я сгинул без вести.

Но как я смеялся над шуткой такой...»

Всеволод Рождественский. «Кавказская встреча».

От автора:

А.А. Бестужев-Марлинский, писатель-декабрист, по официальным источникам (донесение штаба барона Розена), «пропал без вести» в июне 1837 г. во время стычки с черкесами при высадке десанта у мыса Адлер; однако тело его найдено не было. Автор пользуется возникшими на Кавказе легендами о том, что Бестужев-Марлинский был взят в плен черкесами, ушел в Дагестан и долго жил у Шамиля.

Записки Бестужева

Глава I

Мой час настал и, правду обнаружив,
Потомству всё поведать я готов.
Пора открыть, что прапорщик
 Бестужев
Кончает жизнь средь горских
 удальцов.

Я тот, кого убитым на завале
Сочла в былом родимая земля,
Кого своим наибом называли
В аулах гор мюриды Шамиля.

Кто двадцать лет, заброшен
 в край скалистый,
Блуждал в горах, как новый
 Агасфер,
Для всех – навек исчезнувший
 Марлинский,
Для Шамиля – изгнанник Искандер.

Язык молвы, сменивший звон булата,
Сынов нужды порочащий хитро,
Виновен в том, что автор
 «Аммалата»
Берется вновь за старое перо.

Но, небылиц немало напечатав,
На этот раз рассказываю быль,
И потому надменного ренегата
Заменил здесь задумчивый Шамиль.

Теперь дивлюсь, в минувший
 сумрак глянув...
Чем ближе смерть, тем в памяти
 свежей
Разгульный крут драгунов и уланов,
Весёлый гул гвардейских кутежей.

Любви былой мучительная рана,
Журнальный шум,
 «Полярная звезда»,
И грозный вой декабрьского бурана,

Так много душ отнявший навсегда.

Как мог я знать под гибельной
картечью,
Среди друзей у медного Петра,
Что в некий день на визг её отвечу
С кавказских гор гудением ядра.

...15–16 стр. вырваны

День догорал, когда, обезоружив,
Меня враги в ущелье повлекли.
И много лет с минуты той Бестужев
Не видел рощ родной своей земли.

Но грусть делить в отчизне
было не с кем,
Там брата брат чуждался в те года;
И свyksя я с обычаем черкесским,
Жил у хаджи и пас его стада.

Я не забыл о царских преступлениях,
Но о друзьях своих не горевал,
Жил в полусне, второй
«Кавказский пленник»,
И вдаль глядел на тёмный перевал.

Но, видно, кровь не вовсе охладела,
Очнулся ум, и сердце ожило,
В душе опять проснулась
жажда дела,
И без борьбы жить стало тяжело.

Глава II

*Бизак тарикат Дагестан гетты-ча!
(Теперь тарикат в Дагестан пошёл!)
Лезгинская песня 30-х годов*

Много лет Шамиля ловили
Роты храбрые Пулло
И совсем уж затравили,
Да начальство проспало.

Но решил за дело взяться
Фезе – гордый генерал.
И приметы азиатца

Огласить он приказал:

«Горец выше всех в ауле,
Всех могучей и храбрей,
Не страшится он ни пули,
Ни штыка, ни батарей.

Тот, кто шашкою своею
Косит наших, как ковыль,
Кто из горцев всех сильнее,
И гроза его – Шамиль!»

Так по ротам апшеронцев
Объявил их генерал
И в награду сто червонцев
За поимку обещал.

Вот начался штурм аула,
Что гнездом был Шамиля.
И от пушечного гула
Содрогается земля.

Рекою кровь аварцев льётся,
Взят последний их редут,
И в палатку полководца
Храбрых пленников ведут.

Все они широкоплечи,
Все отвагой велики,
Не бежали от картечи,
А кидались на штыки.

Но имама нет меж ними...
Плохо Фезе метил в цель!
Не раззявами такими
Будет пойманным Шамиль.

С той поры, решив упрямо
Сделать всё, как обещал,
Ловит хитрого имама
Раздраженный генерал.

Но из рук уходит дымом,
Как и прежде, он – Шамиль,
И для всех неуловимый
Остаётся он досель.

А в горах шумит восстанье
С каждым годом всё сильней,

Потому что в Дагестане
Гнёзда целые Шамилей!

Лихая песнь о Шамиле и Фезе
В былые дни запала в душу мне,
И я, борьбой с насильниками грезя,
Мечтал помочь истерзанной стране.

Ещё бродя с Дербентским батальоном
Вдоль гребня гор – природных
баррикад,
Уже я знал по слухам отдалённым,
Что горцев вёл к равенству тарикат.

И понимал, что Меккой и Мединой
Лишь для того клянутся племена,
Чтоб стала вновь свободной
и единой
Ярмо князьков разбившая страна.

Давно огонь народного восстанья
Под пеплом тлел, тревожа весь Кавказ,
И, наконец, в голодном Дагестане
Мятеж племён начался
в грозный час.

Седых теснин и впадин древний
узник —
Лезгин любил узилище своё.
Свои клинки ковал он в нищих
кузнях,
О грани скал точил он лезвие.

Жестокий бог десницей Тимур-Ленга
Его загнал в скалистый каземат,
Равно косясь на турка и на френга,
Он одичал, оборван и космат.

С терпеньем пчел лепил он,
словно улы,
Селенья гор, за сотом – тесный сот;
Как крот, он рыл убежище в ауле
И угрожал противникам с высот.

Бедней глухой российской
деревеньки,
Взбираясь ввысь по лестнице крутой
В аул, пахал и сеял на ступеньке
И в щелях гор размахивал гурдой.

Народ здесь был и пастырем,
и зодчим,
Судьбою стар, душою вечно юн,
Но царь его из дома гнал, как отчим,
И разорял, как жадный опекун.

Уже не раз запятнаны коварством,
Князья опять царю передались,
И говорил народ в краю аварском:
«Встать надо льву, коль с барсом
спелась рысь!»

В былом, когда к величью и свободе
Вёл племена восторженный мулла,
Его рука ни княжьего угоды,
Ни ханских прав затронуть
не смогла.

Когда же стал пророком горской воли
Имам Шамиль – вождь бедных
узденей, —
Народам гор, искавшим лучшей
доли,
Он подарил свободу от князей.

И, чей покой казался бездыханным,
Бедняк – лезгин привольнее
вздохнул
И, взяв Хунзах, с последним
кончив ханом,
Служить себе заставил чванных мулл.

А новый вождь, боец и проповедник,
В ущелья гор на запад слал гонцов,
И молодёжь народностей соседних
На зов его текла со всех концов.

И как-то раз в глухой аул черкесский,
Где третий год в плену влачил я дни,
Пришёл старик в турецкой
синей феске
И с ним чужих аулов уздени.

Они народ подняться призывали,
(Завидя их, бежал немедля бек),
Аулом шли и хрипло распевали,
И тот напев запомнил я навек:

«Тучи угрюмы и хмуры,
Кровь узденей потекла.
Прокляты будьте, гяуры!
Ля-илляга-илляла!»

Бекам угрюмым не верьте!
Ханов бессильна хула.
Нет для отважного смерти.
Ля-илляга-илляла!»

К бедным сойди с минарета!
Время ль молиться, мулла?
Долгом молитва согрета.
Ля-илляга-илляла!»

Враг нам наносит обиды,
Сакли сжигает дотла.
Шашки точите, мюриды!
Ля-илляга-илляла!»

Славу внемлите имама,
Горного славьте орла,
Силу умножьте низама.
Ля-илляга-илляла!»

Бейтесь и чтите аллаха!
Смелые ждут вас дела.
В бой выступайте без страха!
Ля-илляга-илляла!»

Родину спасшему – слава!
Павшему в битве – хвала!
Нет без свободы ислама.
Ля-илляга-илляла!»»

Старик-аварец в мечети по-арабски
Прочёл призыв вождя магометан.
И я ушёл, но не на Запад рабский,
А на Восток – в свободный Дагестан.

Пройдя тайком кордоны у Казбека,
Я через край пошёл наперерез.
Но, топором не тронутый от века,
Меня теснил всё яростнее лес.

Семь дней я брёл в унынии глубоком,
Страшась порой, что муки не снесу,
Но бог помог: я вышел ненароком
На берега Андийского Койсу.

Глухих теснин базальтовая люлька
Его хранит, лелея, как дитя;
И много дней он вёл меня
 в Ахульго,
Подножья скал отчаянно когтя.

И, наконец, в тумане розоватом,
С высот хребта за мгливой
 пеленой
Суровый край, объятый газаватом,
В лучах зари возник передо мной.

Глава III

Здравствуй, барса могучего логово,
Где от века бушует гроза,
Где на версту ни склона полого,
Ни тропы не отыщут глаза.

Где Аргуна лютует и бесится,
Где, гремя, джигитует Койсу,
И, увенчан значком полумесяца,
Стяг восстанья мелькает в лесу!

Пусть и нет в тебе нежности Грузии
И приволья кубанских степей,
Но навек в нерушимом союзе я
С первобытной красою твоей.

Как чадрую, страна погорелищ,
Ты укрыта туманом седым.
Снизу дым, словно облако,
 стелется,
Сверху облако вьётся, как дым.

И ничем перед миром не хвастая,
Ты печальна, как доля твоя,
Лишь Гуниба вершина гривастая
С высоты озирает края.

Здесь в июне проходят как посуху,
Где в апреле гремела вода,
Здесь, покорно пастушьему посоху,
На утёсы вползают стада.

Здесь дороги петляют и крутятся,

Горизонт перед взором кружа.
Здесь царят вековая распутица
И неистовый дух мятежа.

Здесь баранину жарит на вертеле
Только в джуму голодный лезгин;
И поэты тебя обессмертили,
Но не понял тебя ни один.

Для одних ты – аллаха избранница,
Для других ты – абрека жильё.
Для меня же навеки останется
Незабвенным страданье твоё.

Не величья полна сатанинского,
А исполнена скорби и слез,
Ты близка лишь для сердца
Марлинского,
Как угрюмый и голый утёс.

И бесплодно скупая земля твоя
Мне милей благодатнейших стран...
Так свяжи вековечную клятвою
Декабриста с собой, Дагестан.

Послав привет вершин седому вечу,
Я в тот же миг схватился за кинжал:
Из-за горы три горца шли навстречу,
И каждый шаг ко мне их приближал.

Один из них, в запыленной черкеске,
Нёс на плече ребёнка своего.
Его черты, значительны и резки,
О прямоте твердили за него.

Другие два, хоть шли за ним
упрямо,
Изнемогли от дальнего пути.
И я спросил: «Где видеть мне имама
И как скорей в Ахульго мне дойти?»

«Ахульго пал. Там веет ваше знамя,
И газават уходит в щели гор.
Лишь нам одним с немногими
друзьями
Нести Коран придётся с этих пор».

«А где имам?» – «На что имам
урусам,

Но нас едва ль заметил кто-нибудь.
Высокий бек в расстёгнутом
бешмете
Кричал и бил себя руками в грудь.

Он говорил: «Зияют наши раны,
И нам нужна не шашка, а костыль.
Иль будем ждать, как глупые бараны,
Чтобы в горах султаном стал
Шамиль?»

Полки врагов идут на нас лавиной,
Но разрушать мечетей не хотят,
И в рай войдёт, кто явится
с повинной,
А кто упрям – низвергнут будет в ад.

Не лучше ль нам мириться с ними?
Я говорю. Так ли?» – «Не так!» —
раздался крик.
И в тот же миг на крышу
ближней сакли
Одним прыжком вскочил мой
проводник.

К груди прижал он своего ребёнка,
И уздени приветствовали их.
Пронёсся гул,
в горах отдался звонко,
И весь аул почтительно притих.

«Его речам внимали вы без слова,
Теперь, друзья, послушайте меня!
Такой же бек оставил нас
без крова,
В тяжёлый день низаму изменя.

Из нор ползёт предательство,
лезгины!
Пророк сынов испытывает вновь:
Ахульго взят, и на луга – равнины
С высоких гор стекает наша кровь.

Урус в цепях, но дерзостно и смело
Готов он жизнь в сраженьи
положить,
А вы – вольны, но за своё же дело
Кинжал отцов страшитесь
обнажить.

Чтобы жилось свободней
вашим детям,
Отдал в залог я первенца врагу;
Настанет день – пожертвую и этим,
Но лишь с клинком расстаться
не смогу!

Пускай твердят неверие и злоба,
Что воля гор судьбой обречена, —
Чем ближе мать к раскрытой
двери гроба,
Тем для сынов прекраснее она!

Аллах велик!
С презренным властолюбьем,
Подобно псу, подавится раздор.
Сразим врага
иль навсегда погубим
Отцовский клад – свободу наших гор.

Так сохраним и твёрдость, и терпенье,
Не изречём предвечному хулы!
Отваги дух и с братом единенье
Нам возвратят доверие аллы.

Мы победим, заботясь друг о друге,
Нам не страшны ни беки, ни князья,
Уже царя его кидают слуги
И к детям гор приходят, как друзья!

Вот вам пример!» —
И с этими словами
Он указал мюридам на меня
И, вольных гор приветствуя
сынами,
Велел привести в подарок мне коня.

Потом, пройдя сквозь плотный
строй лезгинов,
Он подал мне горячую ладонь:
«Служи горам, – сказал он,
брови сдвинув, —
И верен будь, как верен этот конь!

Но если ты предатель и лазутчик,
Забудь, урус, намеренье своё:
Для злобных змей,
коварных и ползучих,

У горцев есть стальное лезвие.

И кто ступил на горные ступени —
Навек с былой прощается судьбой!»
«Не изменю! – сказал я в нетерпенье, —
Но где ж имам?» – «Имам перед тобой».

Глава IV

И вновь приняв лихой удел солдата,
Вступил в союз я с бедною страной,
И стал я жить судьбой её, когда-то
Со стороны изведанною мной.

В чужом краю, угрюмом и гористом,
Где бог войны справлял
 кровавый пир,
Я перестал быть ссыльным
 декабристом
И заменил черкесскою мундир.

Я полюбил изгибы узких улиц,
Обвалов гул и дым от кизяка.
И на лезгин, как их одноаулец,
Уж не глядел отныне свысока.

Пускай молва стоуста и столица,
Ещё чернит несчастнейший народ,
Я скажу, что горская столица
Была в те дни пристанищем свобод.

Порой сюда от «улицы зелёной»
Бежал драгун иль егерь молодой
И, поселясь в теснине отдалённой,
Царю грозил даренною гурдой.

Здесь жил народ архангельский
 и вятский,
Игрой судьбы заброшенный на юг,
И с давних лет родной семьёй
 солдатской
Я без труда был принят
 в братский круг.

Прошёл лишь год,
 и русская слободка
В моём лице приняла главаря,

И каждый день для ратных
дел трещотка
Будила нас, о воле говоря.

Прощай, тесак постылый,
Прощай, российский царь,
Прощайте, фрунт унылый
И каторжный сухарь!

Вовеки не коснутся
Шпицрутены солдата,
И в этом вам, ребята,
Клянётся ваш главарь.

Сменили мы на горы
Зелёные поля.
Не тешит наши взоры
Родимая земля.

Но пусть нас разделяет
С отчизной вал Аргуны, —
Да здравствуют драгуны,
Драгуны Шамиля!

Холодные биваки,
Гранитная постель,
Папаха и чувяки
Да драная шинель —

Вот всё, что ожидает
Мятежного солдата
В горах, где собирает
Войска свои Шамиль.

Но не впервой драгунам
На камнях засыпать,
В боях ядром чугунным
Подушку заменять.

Оставьте же тревоги!
Назад нам нет дороги,
А если и найдётся —
Не двинемся мы вспять.

Пускай дрожит от гула
Ущелий тёмных дно,
Пускай литое дуло
На нас наведено, —

Пляши и знай, молодка,
Что русская слободка
Гуляет перед боем
Сегодня в Ведено!

А ты, казачка Галя,
Склонись ко мне на грудь,
В житейском урагане
Подругою мне будь.

И до конца со мною
Пустынею земною
Пройди определённый
Нам свыше тяжкий путь!

Так славьте ж край скалистый!
А завтра на заре
Построит вас Марлинский
В железное каре.

И, как в былые годы,
Вы смело в бой пойдёте
За гордый стяг свободы,
Что реет на горе.

Но пусть гонимым людям
Нет участи другой —
Вовеки не забудем
Отчизны дорогой;

Не дрогнем перед битвой,
Но если пасть придётся —
Умрём с родной молитвой
Иль с песнею родной.

Свобода вновь воспрянет,
Не кончена борьба,
Не раз, наверно, грянет
В расселинах пальба.

Мужайтесь же, драгуны,
И пусть во мрак грядущий,
Как грозный вал Аргуны,
Уносит вас судьба!

Глава V

Велел я стать своим артиллеристам
И разместил ичкеринцев в лесу.

И, увидав полки свои над бездной,
Сам Петербург, рассудку вопреки,
Здесь ощутил сноровку неизвестной,
Самим же им обученной руки.

А по горам и пропастям всё шире,
Будя восторг и зависть шевеля,
Дымился слух о русском мухаджире,
Отдавшем всё для дела Шамиля.

Я у скалы лежу на старой бурке,
Гостя душой в родимой стороне,
А далеко, в осеннем Петербурге,
Быть может, друг вздыхает обо мне.

Мне видится далёкая столица,
Мне слышится драгунская труба,
Мне грезятся друзей забытых лица,
И снится вновь бывалая судьба:

Вижу я за дымкою тумана
Блестящий круг у мраморных колонн,
Где, может быть, ещё танцует Анна
Печальный вальс иль сонный котильон.

Возврата нет в отчизну дорогую,
Но к ней стремлюсь по-прежнему душой
И о друзьях окованных тоскою
В стране хребтов – свободной,
но чужой.

Но что грустить? Не лучше ль
в опьянении
Струёй вина сомненья угасить,
Развеять грусть в отчаянном
сражении
Иль пляской гор свой взор
развеселить?

Давно я в вальсы не влюблён,
Не обольщаюсь бальной пляской,
И не заменит котильон
Мне танца вольности кавказской.

Вот почему, лишь уздени
В круг соберутся по старинке,

Я покоряюсь, как они,
Живой мелодии лезгинки.

Вот замелькали лезвия,
Суровой, строже стали лица,
И, как блестящая змея,
Кольцо танцоров шевелится.

Вот понеслись во весь опор
Вокруг белеющей косынки,
И вторит эхо дальних гор
Лихому гиканью лезгинки.

Белки блестят, оскален рог,
На лбы надвинуты папахи,
И от танцующих народ
Порой шарахается в страхе:

Как будто близится резня
Из-за красавицы-гимринки —
Так веет гневом на меня
От диких выкриков лезгинки.

Кружись под гиканье друзей,
Пляши, мюрид, и шашкой лязгай!
Пляши и грусть мою рассеяй
Своею бешеною пляской.

И ты, зурнач, переходи
От звона гулкового к сурдинке,
Чтоб сердце дрогнуло в груди
Восторгом яростным лезгинки!

Когда утихнет прежний пыл
И станет глуше рокот крови,
И чернокрылый Азраил
Угрюмо сядет в изголовье,

В бою ли штык пронзит мне грудь
Или свинец на поединке,
Прошу собрата помянуть
Безумной музыкой лезгинки.

На свете всем конец один.
И вместо таинств погребенья
Хочу, чтоб сумрачный лезгин
Плясал мне гибель и забвенья;

Помчится он, тоской объят, —

То будут славные поминки, —
И если к жизни есть возврат,
То я воскресну от лезгинки!

(Конец записок Бестужева).

Часть вторая

Глава I

В минувший век,
 в годах шестидесятых,
Тифлис весной был весел и шумлив,
И в погребках духанщиков усатых
Не молк зурны унылый перелив,

Гудел майдан. С армянского базара
Шли торгоши; шутил и пел кинто.
Навлуг, хацух, трущобы Авлабара —
Толпой зевак всё было залито.

Народ с утра гулял на Головинском,
Стелил в садах узорные ковры
И, не забыв о верном кахетинском,
В тени чинар спасался от жары.

По вечерам, куда глаза ни киньте,
В любом окне светился огонёк,
Лишь монастырь Давида
 на Мтацминде
Белел во мгле, надменно одинок.

Так длился май. Но после полнолуныя
Спешила знать в имения свои.
Зной возрастал,
 и с первых дней июня
Тифлис дремал в ленивом забытьи.

На зов полей привыкнув отзываться
И тяготясь тифлисской духотой,
Со всей семьёй княгиня Чавчавадзе
Нашла приют в усадьбе родовой.

И, по родной соскучась Алазани,
С княжной Нино,
 племянницей своей,
Её сестра Варвара Орбельяни
На этот раз сопутствовала ей.

Верстах в семи от древнего Телава,
Где путь кружит и вьётся,
 как аркан,

Где слева – рек слияние, а справа —
Застыл утёс, зелёный великан.

В былые дни стоял над самой кручей
В тени дубов старинный особняк,
За чей карниз цеплялся
 плющ ползучий
И чей фасад от ветхости обмяк.

Служил в былом он роду Чавчавадзе,
Приютом был в палящий летний зной,
И гостя взор не мог не любоваться
Его веранд весёлой белизной.

Он видел блеск при князе Герсеване,
Внушал стихи наследнику его,
Вмещал не раз высокое собранье
И не одно запомнил торжество.

Здесь отдыхал в минувшем Грибоедов...
И дряхлый дом,
 хоть рухнуть был готов,
Все слышал гул блистательных обедов,
Больших охот и званых вечеров.

Вот юность вновь шумит
 по этим залам,
Покои вновь огнём озарены,
И, как в былом, княгини Цинандалам
Вернули блеск радушной старины.

Георгия тринадцатого внуки
И фрейлины российского двора,
Любя гостей, они не терпят скуки,
И громкий смех звучит у них с утра.

Густая тень жасминовых беседок
В палящий жар прохладой их влечёт,
Мелькают дни в прогулках и беседах,
И жизнь, как сон, безоблачно течёт.

Когда ж гроза неожиданная сидеть их
Принудит днём за стёклами веранд,
Мадам Дрансе,
 француженка при детях,
Читает им Мюссе иль Жарне Зайд.

И в уголке столетнюю Мариной
Уж начат вновь таинственный рассказ

О князе,
дом воздвигнувшем старинный,
Об удалцах, прославивших Кавказ.

Любимый Ках, посольство Герсевана
В её устах чудесны для детей,
И дней былых лучами осиянна,
Она для них – как память этих дней.

Сады цветут, лазурь небес бездонна,
И вскоре весть домашних оживит:
В родимый дом с угрюмого кордона
Приедет к ним хозяин – князь Давид.

Уж много дней на линии Лезгинской,
Не зная сна, он выполняет долг,
И, путь закрыв к долине Кахетинской,
Несёт дозор его Грузинский полк.

Но летних гроз боятся лишь княгини;
Княжне Нино и буря не страшна,
И на коне в прогулках по долине
Проводит дни отважная княжна.

Она горда, её сужденья резки,
Ей чужд покой и неизвестен страх,
Уж на заре в папахе и черкеске
Её в простор уносит Карабах.

Её влечёт свобода, а Печорин —
Девичьих дум любимейший герой —
И дерзкий нрав,
приличьям не покорен,
Родной семье мучительны порой.

И каждый день,
ружьё на плечи вскинув,
Вновь по холмам скитается Нино

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.